Правда, 29 янв. 1974г.

ТЕАТР

ВСТУПЛЕНИЕ...

В финале спектакля «Погода на завтра» на подмостках «Современника» появляется сверкающий хромовыми деталями шикарный «зиловский» автомобиль «Чайка». Его встречают ликованием. Натуральная машина — да как бы самим своим видом и появлением подтверждает: да, искусство поспело вот на передний край жизненности. Знаменательно, что как раз в дни премьеры, когда на «театральном» конвейере «собирали» пятисотый автомобиль, а жизнь, по сути, на Волге, выпустила миллионный. И хотя сценический вывод, разумеется, условен, но автор, не театр не скрывает и прямой «привязки» к биографии Волжского завода: драматург Михаил Шатров избрал как не единожды в последнее[illegible] специфического корреспондента газеты, сотрудника нашего серию очерков и уж потом начинает пьесу.

То пламя часа, что имя «Погода на завтра», требует от зрителя предельной сосредоточенности и активной работы мысли. Короткие паузы между диалогами — стремительными, но сопровождаемыми — запоминаются отнюдь не длиной человеческих, частных бед, документов, выкладок специалистов, потом абсолютно высвечивают вдруг одного человека, который рассказывает содержание своего движения в прошлое и партию,— и в его сильной выстроенной судьбе, целого поколения всех таких людей,— и все это надо делать некстати в семьдесят. Вот-то идет о проблемах сложных, острых, наболевших. Атмосфера высокой нравственной максимальности задана современникам и самим себе. А друг к другу, борцы за [illegible] не только производственную, но и гражданскую, социальную [illegible] к зарплате, в [illegible] как на стоянке, [illegible] дефицит одной из [illegible] технического прогресса [illegible] между тем [illegible] на [illegible] организацией труда, на [illegible] методами управления. Вопросы назрели без [illegible] спешные, сугубо «чеховские» решаются не деликатесно, не технократически, а по-государственному широко. Конфликты вроде «служебные» рассматриваются в драматургии, в театре с позиций общественной нравственности. Мы становимся свидетелями того, как равнодушие, безответственность, накопительство иногда одного немало человека опыряются и на интересах дела, и на нервах, на жизни десятков людей настоящих. И чем дальше идет наше общество по сложным путям научно-технической революции, тем острее и насущнейшей становится проблема воспитания в каждом человеке способности и готовности отвечать за все. С такими в конце концов главным для себя выводом уходили со спектакля «Погода на завтра», без этого думаешь и потом, возвращаясь в эту мысленно.

Главный режиссер театра Галина Волчек требует от всего настоящественного соответствия не внешнего индустриального «внешнего», а исследования атмосферы жизни современного промышленного гиганта. Каждое из средств сценической выразительности интересует театр до тех пор, пока помогает ценно привлечь нас к важной сию минуту мысли, проблеме. Но одни приемы не становятся самодовлеющими: он не отбрасывается, то возникает опять, и эти скоротечно рождают ощущение народного отдыхновенного размышления. Вчера и на должном холоду в поисках социального решения, будто и не расстроились — и вот так собрались сегодня у нас на глазах автор и актеры, чтобы выяснить в том, что волнует их самих и что — они на это рассчитывают — не может не волновать и нас, зрителей.

Было бы несправедливо не заметить, что эта столь привлекательная скоропись соседствует в повествовании и со скорописью. Спектакль, как прочтен, и пьеса, прочитывает «изнутри» в тайники человеческой судьбы в человеческой душе правильно на [illegible] минуты. Вы не [illegible] мнение зрителя О. Табакова, В. Гафт, А. Покровского, В. Комелькова, Л. Ивановой, Э. Крылова, Е. Миронова, А. Матова, С. Садальского и «моментальных» психологических набросках точны и главное — резко определенны в своих симпатиях и антипатиях, в своей оценке жизненных явлений. Собственно, именно это качество искусства открыло «Современнику» неубывающий кредит зрительского доверия: работу труппы отличает гражданский и нравственный посыл — открытый, воинствующий.

Да, театр, следуя особенностям подчеркнутой «репортажной» драматургии, стремился создать коллективный портрет сегодняшней молодой среды, в роде бы неправомерно требовать здесь полнокровности каждого отдельного характера. Но как и не понимать, что, например, талантливый артист В. Гафт [illegible] нравится северного директора, не насыщенная нас максимальностью деталей и ясно незаурядной личностью своего героя. И тут само собой просится [illegible]... В театре имени Вахтангова Михаил Ульянов играет директора [illegible] (пьеса А. Вампилова «Утиная охота»). Мастерская, режиссура Е. Симонова). Уж сюда-то отпущен материал самым не богатым пьеса предельно перегружена техническим подробностями, язык диалогов непараллелен, некоторые ситуации вообще малоправдоподобны. И что же делает Ульянов? Зрителей покорило самостоятельная художника, высокое мастерство веры без слов, в в результате на сцене,— буквально вопреки литературным схемам,— возникает жизнь, мыслящий, беспокоящий своеобразный человек. Тут мы, очевидно, имеем дело с тем внутренним, глубоко органичным родством народного артиста с тем героем «времяшности», которого он, артист, как гражданин, наблюдает изо дня в день в жизни страны, народа...

...А в другом аналогичном театре — имени Ленинского комсомола — премьера «Молодая гвардия» (пьеса А. Фадеева). Пьеса [illegible] [illegible] ... Вы не [illegible] [illegible] ... Вы не [illegible] [illegible] ... Вы не